

Что за дичь он несёт?

Хань Мин смотрел на Лин Чжоу, с чьих волос всё ещё стекала вода, и гадал, с какого перепоя тот вообще взбесился.

За окном бушевала гроза, выметая из летней ночи душную теплынь. Но стоило этому человеку, промокшему до нитки, переступить порог, как прежний зной сменился иной — влажной, вязкой духотой. словно под рокот грома комната медленно заполнялась осязаемым жаром.

В этой странной, душной атмосфере Хань Мин лишь нахмурился.

Он готов был признать, что этот мужчина, подозрительно напоминающий живое воплощение Воли Вселенной, обладал чертовски привлекательным лицом. А в сочетании с его аурой прирождённого хищника любая нелепость, срывавшаяся с его губ, легко сходила ему с рук.

Но потакать его закидонам Хань Мин не собирался.

— Даю тебе шанс перефразировать.

Работа в Восточном королевском дворце и так выжимала из него все соки. С какой стати он должен тратить время на роль укротителя и учить Волю Вселенной очевидным правилам приличия?

Тот правил мирозданием, но его внутренние алгоритмы словно застряли в каменном веке. Как можно столь безбожно путать слова и не понимать контекста? Из тысяч подходящих фраз он умудрился выбрать самую двусмысленную.

Ему что, язык бы отсох, скажи он хоть на слово больше?

— Сегодня пятнадцатый день, — в неосвещённой спальне царил полумрак, и в этой тишине глухой, низкий голос Лин Чжоу прозвучал пугающе отчётливо. — Хань Мин, я пришёл обнять тебя.

Хань Мин на миг опешил. Подобное с ним случалось крайне редко.

Хотя он догадывался, к чему всё идёт, услышав такое признание, он почувствовал, как внутри зашевелилось странное, двоякое чувство.

Да уж. Сказку про тактильный голод и необходимость каждые две недели прикасаться к кому-то на пять минут он сочинил на ходу. Дун Яо повёлся, ладно. Но Воля Вселенной? Тот ведь обязан знать подлинную суть его врождённого таланта! С чего вдруг божественная сущность поверила в эту чушь?

В здоровом уме никто бы не связал происходящее с Волей Вселенной. Но даже если Лин Чжоу изо всех сил пытается сойти за обычного человека, к чему эти крайности?

Хотя, надо отдать ему должное, актёр из него получился превосходный.

Именно из-за того, что последние три года Лин Чжоу вёл себя совершенно не так, как подобает Воле Вселенной, Хань Мин до сих пор сомневался в его истинной природе.

Но как бы усердно тот ни притворялся... Хань Мин скользнул взглядом по золотым зрачкам стоящего рядом мужчины. В этой опасной янтарной глубине сквозило нечто первобытное.

Сколько бы Лин Чжоу ни натягивал на себя человеческую маску, одного взгляда в его глаза — ледяные, безучастные, лишённые даже намёка на тепло — хватало, чтобы понять: перед тобой не человек.

И даже не зверь.

Внутри него не было ничего живого. Лишь безупречно отлаженный, мёртвый механизм или отстранённое божество, вззирающее на смертных с заоблачных высот.

Всё это притворство и мнимая покорность преследовали одну цель — его талант «Ниже лишь одного». Ведь эта сила никогда не ограничивалась только живыми существами.

Чисто теоретически Хань Мин мог нацелить её и на саму Волю Вселенной.

Оставим пока вопрос, насколько это выполнимо на практике.

Но сама вероятность делала его самым ценным и опасным существом в известном космосе.

Очевидно, стоило его таланту совершить очередной виток эволюции, как Воля Вселенной, привыкший присматривать за ценными кадрами, немедленно принял человеческий облик. Решил подстраховаться и прикрыть его спину, пока он не набрал полную силу. Всё логично.

Понимая это, Хань Мин не собирался тратить лишние слова.

— Больше не нужно, — отрезал он.

Он попытался высвободить запястье, но Лин Чжоу даже не подумал разжать пальцы.

— И кто к тебе прикасался?

Этот вопрос, лишённый всякой логики, заставил Хань Мина снова вскинуть голову.

То ли ночная тьма сгустилась до предела, то ли янтарное золото чужих зрачков действительно померкло, наливаясь опасным свинцом.

Хань Мина откровенно раздражала эта игра в неосведомлённость.

Глупо полагать, будто Воля Вселенной не знала о том, что стряслось днём. Да и явился Лин Чжоу неспроста: сразу накрыл его ладонь своей, а теперь и вовсе переплёл пальцы.

Слишком слаженно для простого совпадения.

Но пока маски не сброшены, приходилось подыгрывать. К тому же, если признать в Лин Чжоу Волю Вселенной официально, помыкать им станет гораздо сложнее.

Поэтому Хань Мин небрежно бросил:

— Дун Яо.

Шум дождя за окном усыплял. Отогнанная было дремота вновь навалилась на плечи. Прикрыв веки, Хань Мин язвительно добавил:

— Удовлетворил любопытство? А теперь проваливай к себе. Моя кровать не рассчитана на двоих.

Не будь Лин Чжоу ходячим оружием массового поражения, за такое бесцеремонное поведение его давно бы взгнали в тёмном переулке.

Хань Мин шевельнул пальцами, пытаясь вырвать руку из захвата. Но чем сильнее он тянул, тем крепче сжималась чужая ладонь.

— Лин Чжоу? — Хань Мин удивлённо вскинул брови.

Он терпел этого типа лишь потому, что тот обычно беспрекословно выполнял любые его приказы. Сегодняшняя ночь стала исключением: Лин Чжоу не просто ослушался, а сделал это дважды подряд.

— Да, — Лин Чжоу отозвался спокойно, будто не замечая, что его выставляют за дверь. То ли Воля Вселенной в принципе не умел считывать намёки, то ли искусно притворялся дураком.

Их ладони соприкасались уже несколько минут. Уличная прохлада, которую мужчина принёс с

собой, давно испарилась. Горячая кожа и тесное переплетение пальцев беззвучно свидетельствовали об одном: уходить он не собирается.

Хань Мин едва сдержал злую усмешку. Спорить дальше не имело смысла.

Всё было предельно ясно — пока не истекут положенные пять минут, этот упрямец не сдвинется с места.

"Будь я чуточку сильнее..."

Хань Мин мрачно опустил взгляд на сцепленные пальцы, а затем в упор посмотрел на Лин Чжоу.

Его взгляд, должно быть, оказался слишком холодным. Лин Чжоу вздрогнул, медленно поднял свободную руку и осторожно, едва касаясь, закрыл ладонью его глаза.

— Не смотри на меня так, Хань Мин. Ты ведь прекрасно знаешь...

"И что же я знаю?"

Хань Мина до зубовного скрежета тошнило от чужого притворства.

Впрочем, он и сам годами ломал комедию перед Дун Яо. Интересно, видел ли тот его насквозь?

Если да, то неудивительно, что шкала доверия застряла на жалких пятидесяти процентах.

Хань Мин раздражённо смахнул чужую ладонь со своего лица. Почувствовав его гнев, Лин Чжоу не стал сопротивляться и послушно опустил руку.

На его правой руке красовались сразу три кольца — на указательном, среднем пальцах и мизинце.

Ещё при первой встрече Хань Мин подметил их поразительное сходство с кольцами королевской власти, которыми владели правители секторов. Разница заключалась лишь в том, что украшения Лин Чжоу были иссиня-чёрными, без гравировок и драгоценных камней, что сбивало с толку любого, кто пытался провести параллели.

Но сейчас Хань Мина занимал не дизайн колец.

Он вспомнил, что Дун Яо сегодня тоже пришёл без своего перстня.

И Дун Яо, и Лин Чжоу касались его только свободной от колец рукой.

Случайность? Или осознанный жест?

Эта деталь потянула за собой другую ниточку воспоминаний.

Когда-то Лин Чжоу и Дун Яо общались как обычные приятели. Теперь же их отношения напоминали холодную войну. Они не конфликтовали открыто, но вели себя как абсолютно чужие люди, едва достаивая друг друга кивком при встрече.

Когда всё пошло наперекосяк?

Ровно год назад.

Когда Хань Мин отослал Лин Чжоу на дальний рубеж сражаться с космическими тварями, а Восточный владыка собственной рукой закрыл его от смертельного удара.

Хань Мин опустил глаза на их переплетённые пальцы. Лин Чжоу держал его крепко, точно хищник, помечающий свои владения.

Хань Мин не был глупцом или сухарём, неспособным заметить чужую симпатию. Просто раньше он сознательно заталкивал эти мысли поглубже.

Поведение Лин Чжоу сегодня переходило все границы. Поскольку вероятность того, что этот парень — действительно воплощение Воли Вселенной, всё же не равнялась абсолютным ста процентам, Хань Мин решил применить свой третий талант и измерить уровень его собственнического инстинкта.

Увидев результат, он сначала оцепенел, а затем глухо, зло рассмеялся.

На полупрозрачной панели перед его глазами горел упрямый, круглый ноль.

Три года назад именно эти круглые нули во всех эмоциональных показателях навели его на мысль о космическом происхождении Лин Чжоу. Прошло столько времени, а приборы всё так же бесстрастно фиксировали пустоту.

И эта пустота была по самолюбию сильнее любой пощёчины.

Он злился на бездушную Волю Вселенной, играющую в человеческие чувства, и на самого себя — за то, что позволил глупой надежде прорасти в душе.

Какая нелепость.

Лин Чжоу — это Воля Вселенной, компьютер планетарного масштаба. Ждать от него любви — всё равно что ждать, когда остынет солнце.

Да и Дун Яо, скорее всего, из той же породы. У Восточного владыки своя судьба и предназначенный ему партнёр. Нечего забивать голову романтической чепухой, нужно просто делать дело и повышать уровень доверия.

— Пять минут истекли. Вон.

Отсчитав про себя ровно триста секунд, Хань Мин в третий раз указал гостю на дверь.

Такая забота со стороны Воли Вселенной слишком дорого ему обходилась. Ещё пара минут этого фарса, и он точно заработает нервный срыв.

Лин Чжоу долго молча смотрел на него. Его золотые зрачки потемнели, подернувшись непроницаемой дымкой. Наконец он разжал пальцы и бесшумно двинулся к выходу. Он слишком хорошо знал характер Хань Мина: если не уйти сейчас, тот никогда его не простит.

А Лин Чжоу пришёл сюда вовсе не для того, чтобы злить его.

Едва за Лин Чжоу закрылась дверь, Хань Мин дал волю скопившемуся раздражению и зло выдохнул.

Что не так с жителями этой чертовой галактики?

Почему каждый из них готов разыгрывать шекспировские драмы, оставаясь при этом холодным, как открытый космос?

С их талантами нужно покорять межгалактический кинематограф, а не устраивать любительский театр одного актёра перед ним!

— Хань Мин, спать! Спать! — попугай, до этого притворявшийся чучелом на своей жёрдочке, внезапно ожил и принялся командовать.

Хань Мин устало покачал головой:

— И как спалось нашей трусливой Маленькой принцессе последние пять минут?

Попугай виновато пискнул, взлетел и уселся спиной к хозяину, уставившись в стену с самым

покаянным видом.

Его тоже можно было понять. От одного присутствия Лин Чжоу у бедной птицы перехватывало дыхание. Поддай он голос — лишился бы головы в ту же секунду.

Гунчжу прекрасно знал, что и Дун Яо, и Лин Чжоу давно мечтают свернуть ему шею. Птичий ум подсказывал: лучше не злить сильных мира сего. В конце концов, сегодня Лин Чжоу пришёл без дурных намерений. Будь иначе, попугай поднял бы тревогу, даже рискуя собственной шкурой!

"Ладно, чего я к тебе привязался..."

Если уж он сам вынужден засунуть гордость подальше перед лицом Воли Вселенной, глупо требовать отваги от маленького попугая.

Всё упиралось в его собственную слабость.

Обладай он достаточной силой, ему не пришлось бы выбивать проценты доверия. Будь он по-настоящему могущественен, Воле Вселенной пришлось бы говорить с ним на равных, без этих глупых масок.

И почему его врождённым талантом стала эта проклятая способность — «Ниже лишь одного»?

"Я никогда не желал быть вторым"

Хань Мин подошёл к окну и молча уставился на разбушевавшуюся стихию.

В этот глухой предрассветный час пламя, тлевшее в его груди с самого утра, наконец вырвалось наружу.

Гнев на собственное бессилие и нежелание вечно оставаться в чужой тени достигли предела. В темном отражении оконного стекла его глаза ярко вспыхнули, окрашиваясь в чистейшее золото.

<http://bllate.org/book/18306/1755313>